

Научная статья
УДК 343.7
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>

Редуцированные преступления

Ситникова Александра Ивановна

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. Об актуальности темы исследования свидетельствует стремление законодателя признавать оконченными деяниями неоконченные деликты в силу их повышенной общественной опасности. В качестве методологической основы использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания. В ходе исследования установлено, что в действующем уголовном законе редуцированные составы в виде приготовления и покушения содержатся в восьми главах УК РФ. Законодательно-текстологический подход к усеченным составам преступлений позволил выявить ряд существенных недостатков в текстах статей. В частности, в одной и той же части статей имеет место интеграция оконченных и неоконченных составов, различных по степени общественной опасности, объединение видов соучастников в одной части статьи, формулирование в разных частях статьи предписаний об ответственности одного соучастника, повторение в диспозиции статьи идентичных признаков и т. д. По результатам исследования автор приходит к ряду выводов: в уголовном законодательстве наряду с традиционными составами преступлений существуют редуцированные преступления, которые представляют собой структурно неполные преступные деяния. Редуцированные деяния, признаки которых указаны в предписаниях Особенной части Уголовного кодекса, являются неоконченными видами преступлений, а редуцированные деяния, признаки которых даны в нормах Особенной части, квалифицируются как оконченные преступления в силу их повышенной общественной опасности. Текстологический подход к уголовно-правовым предписаниям позволяет выявить недостатки законодательного текста и внести предложения, направленные на улучшение его качества за счет устранения имеющихся законодательно-технических дефектов.

Ключевые слова: текстологический подход, редуцированные составы преступлений, оконченные и неоконченные деликты

Для цитирования: Ситникова А. И. Редуцированные преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 127–132. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>.

Original article

Reduced crimes

Alexandra I. Sitnikova

Southwestern State University, Kursk, Russian Federation, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is evidenced by the desire of the legislator to recognize unfinished torts as completed acts due to their increased social danger. The dialectical method in combination with instrumental

© Ситникова А. И., 2024

methods of cognition was used as a methodological basis. During the study, it was established that in the current criminal law, reduced offenses in the form of preparation and attempt are contained in eight chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislative-textual approach to truncated crimes made it possible to identify a number of significant shortcomings in the texts of articles. In particular, in the same part of the articles there is an integration of completed and unfinished compositions, different in the degree of social danger, a combination of types of accomplices in one part of the article, and the formulation in different parts of the article of instructions on the liability of one accomplice, repetition of identical features in the disposition of the article, etc. Based on the results of the study, the author comes to a number of conclusions: in criminal legislation, along with traditional crimes, there are reduced crimes that represent structurally incomplete criminal acts. Reduced acts, the signs of which are specified in the regulations of the Special Part of the Criminal Code, are unfinished types of crimes, and reduced acts, the signs of which are given in the norms of the Special Part, are qualified as completed crimes due to their increased social danger. A text-centric approach to criminal legal regulations allows us to identify shortcomings in the legislative text and make proposals aimed at improving the quality of the legislative text by eliminating existing legislative and technical defects.

Key words: text-centric approach, reduced crimes, completed and unfinished torts

For citation: Sitnikova A. I. Reduced crimes. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-127-132>.

Традиционно по характеру и степени общественной опасности в уголовном праве выделяют основную, квалифицированный и привилегированный составы преступлений [1, с. 142]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) основные составы сформулированы в частях первых статей Особенной части, и в них отсутствуютотячающие и смягчающие признаки. Квалифицированные составы наряду с признаками основных составов содержат квалифицирующие (отячающие) признаки, которые, как правило, расположены в последующих частях статей. Привилегированные составы преступлений законодатель сформулировал в отдельных статьях Особенной части (ст. 106–108, 114 УК РФ).

Согласно классификации, основанной на особенностях законодательной конструкции объективной стороны преступления, составы дифференцируются на материальные, формальные и усеченные [2, с. 114–116; 3, с. 59]. Обязательным признаком объективной стороны материального состава являются: деяние, последствие и причинная связь между ними. В формальных составах дано описание преступного посягательства без указания последствий. Конструкции усеченных составов представлены описанием действий, которые являются приготовлением или покушением, а также включают такой субъективный признак, как нереализованная цель. Наглядный пример — усеченный состав разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Еще один классификационный критерий — способ описания состава преступления — позволяет выделить простой, сложный и альтернативные составы [4, с. 72]. В простом составе дается описание одного действия либо одного

последствия (ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Сложный состав имеет место при наличии двух или более деяний (ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 206 УК РФ). Альтернативный состав содержит перечень действий (ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 228 УК РФ) или последствий (ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 163 УК РФ), и для квалификации преступления достаточно одного из указанных в статье признаков.

За период действия УК РФ в уголовное законодательство внесены многочисленные изменения и дополнения, в том числе введены новые статьи, в которых сформулированы составы преступлений, не соответствующие традиционным классификациям. В этой связи специалистами по законодательной текстологии разработана классификация новых составов преступлений, не подпадающих под признаки материальных, формальных и усеченных конструкций [5, с. 225 и далее]. В соответствии с текстоцентрическим подходом такие составы преступлений дифференцированы следующим образом: состав неоднократности (ст. 154, 171⁴, 180, 212¹ УК РФ и др.), состав причинения определенного вреда (ст. 146, 173, 201, 215⁴ УК РФ и др.), состав поставления в опасность (ст. 215, 216 УК РФ и др.), состав применения насилия (ст. 133, 149, 213, 227 УК РФ и др.). В дополнение к законодательной текстологической классификации составов преступлений следует выделить редуцированные составы преступлений.

С позиций законодательной текстологии в УК РФ существуют редуцированные преступления, то есть структурно неполные, укороченные составы деяний, которые законодатель признал преступлениями в силу их достаточно высокой общественной опасности. По своей юридической природе редуцированными деяниями

являются все виды неоконченных преступлений, в том числе приговорительные действия к тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК), покушения, которые представляют собой криминальные действия (бездействие), не доведенные до конца в силу обстоятельств (ч. 3 ст. 30 УК), а также деяния, которые фактически являются приговорительными действиями либо покушениями, но в доктрине уголовного права конвенционально считаются окончательными преступлениями.

Законодатель, признавая окончательными преступлениями редуцированные криминальные акты, исходит из того, что эти деяния имеют повышенную общественную опасность и, соответственно, нуждаются в уголовно-правовой реакции государства путем репрессивного воздействия на лиц, приступивших к реализации преступного умысла.

Институт неоконченного преступления охватывает далеко не все деяния, имеющие редуцированный характер, так как исключает уголовную ответственность приговорительных действий к преступлениям небольшой и средней тяжести. В результате законодательного просчета приговорительные действия к наиболее распространенным преступлениям, признаки которых указаны в ч. 1, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 123, ч. 1 ст. 126, п. «б» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159 УК РФ (в Кодексе таких составов — около 180-ти), несмотря на их достаточно высокую общественную опасность, оказались ненаказуемыми деяниями. Со всей очевидностью, приговорительные деяния, обладающие высокой общественной опасностью в силу распространенности ряда преступлений, надлежит ввести в УК РФ в качестве редуцированных преступлений с усеченным составом.

В действующем уголовном законодательстве редуцированные составы преступлений содержатся в 8 главах уголовного закона: 16, 21, 22, 24, 25, 29, 33, 34. В большинстве статей редуцированные составы представлены в виде приговорительных действий, которые законодатель в силу их реальной общественной опасности признает окончательными преступлениями. Наиболее ярким примером в этом отношении является преступление, сформулированное в статье 205⁴ УК РФ, которая предусматривает ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем. В качестве редуцированного состава преступления законодатель в отдельных случаях указывает покушение, которое признает окончательным преступлением. Типичными примерами редуцированных преступлений являются: разбойное нападение

(ст. 162 УК РФ), не завершившееся завладением чужим имуществом в силу не зависящих от виновного обстоятельств, активное участие в вооруженном мятеже (ч. 1 ст. 279 УК РФ) и развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ).

Обращает на себя внимание, что законодательные конструкции редуцированных составов, например, представленные в статьях 162, 171², 173¹, 212, 232, 279, 353 УК РФ, содержат отступления от требований законодательной техники [6, с. 89 и далее] и законодательной текстологии [7, с. 110 и далее]. Законодательно-текстологический анализ статьи 162 УК РФ позволяет установить ряд существенных недостатков в тексте указанной статьи:

1. Неудачно указана цель разбоя, в качестве которой выступает *цель хищения* чужого имущества. С учетом предписаний части 1 статьи 162 УК РФ и примечания 1 к статье 158 УК РФ дефиниция разбоя в преобразованном виде выглядит следующим образом: разбой, то есть хищение, совершенное опасным насильственным способом, с целью хищения чужого имущества. Получается, что разбой как хищение в соответствии с примечанием к статье 158 УК РФ, где указана корыстная цель, совершается с целью хищения. Таким образом, законодатель сформулировал разбой как двухцелевое преступление, что само по себе нелогично. К тому же термин «корысть» должен обозначать мотив преступного поведения, заключающийся в стремлении извлечь материальную выгоду, а не цель совершения преступления.

С учетом необходимости внесения законодательно-текстологических изменений в часть 1 статьи 162 УК РФ предлагаем формулу разбойного нападения в следующем виде: *Разбой, то есть опасное насильственное хищение, совершенное с целью завладения чужим имуществом*. Попутно отметим, для приведения всех форм хищения (ст. 158, 159–159⁶, 160, 161, 162 УК РФ) к единообразному толкованию основных составов форм хищения следует внести изменения в примечание 1 к статье 158 УК РФ, заменив корыстную цель на корыстные побуждения, как это имеет место в пункте «з» статьи 105 УК РФ.

Кроме того, существует противоречие между основным и квалифицированными составами разбоя, поскольку в части 1 статьи сформулирован усеченный состав, а в последующих частях фактически даны материальные составы, в которых отсутствует цель завладения чужим имуществом, при этом указаны последствия в виде крупного и особо крупного материального ущерба, причиненного потерпевшим.

Для устранения отмеченного противоречия следует редуцировать квалифицированные составы разбоя путем внесения уточнений в часть 3 и пункт «б» части 4 статьи 162 УК РФ, обозначив вместо преступного результата цель завладения чужим имуществом в крупном (особо крупном) размерах.

2. Законодательно-текстологические дефекты имеют место также при конструировании уголовно-правовых предписаний, содержащихся в статье 171² УК РФ, в качестве которых необходимо отметить следующие недостатки:

— во-первых, в части 1 статьи 171² УК РФ сформулированы два неравноценных по степени общественной опасности состава преступления: оконченный (проведение азартных игр) и редуцированный (организация азартных игр);

— во-вторых, указанные составы отличаются между собой набором признаков, относящихся к разным элементам состава преступления: 1) по месту совершения преступных действий: в букмекерских конторах и тотализаторах без полученных в установленном порядке лицензии вне игровой зоны и без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности в игровой зоне; 2) по предмету преступления: с использованием игрового оборудования, сети «Интернет» и средств связи;

— в-третьих, непосредственно в тексте статьи законодательно закреплены исключения для организаторов азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах за прием интерактивных ставок и пособников за систематическое предоставление помещений для незаконной организации или проведения азартных игр.

Объединение разных по степени общественной опасности преступных действий (редуцированных и оконченных) в одном уголовно-правовом предписании не соответствует правилам конструирования качественных составов преступлений. В этой связи необходимо отграничить редуцированный состав в виде организации азартных игр от качественно иного состава, включающего в себя проведение азартных игр с использованием игрового оборудования и телекоммуникационных сетей. Соответственно, организация незаконной азартной игры заключается в планировании, подборе и обучении обслуживающего персонала, привлечении участников игр, руководстве игровым заведением и его персоналом и т. д. Проведение азартной игры включает в себя непосредственное совершение таких действий, как ведение игрового процесса, прием ставок, выплата вознаграждения и т. д. [8, с. 796].

Законодательная конструкция, представленная в части 1 статьи 171² УК РФ, по своему характеру является казуистичной, поскольку содержит дважды повторяющиеся объективные признаки, которые препятствуют восприятию нормативного текста в качестве оптимального по объему и качественного по содержанию.

Включение в диспозицию части 1 статьи 171² УК РФ исключений для организаторов азартных игр и пособников, содействовавших осуществлению запрещенных азартных игр, существенно снижает качество уголовно-правового предписания, поскольку значительно увеличивает его объем. С позиций законодательной текстологии целесообразно вывести оба исключения за рамки диспозиции статьи и сформулировать их в примечании к статье. Специалисты по законодательной технике справедливо утверждают, что примечания дополняют текст статьи, являются формой конкретизации содержания основного уголовно-правового предписания [9, с. 187; 10, с. 346].

Текстоцентрический подход к предписаниям статьи 212 УК РФ позволяет отметить ряд особенностей законодательного текста данной статьи:

1. В части 1 сформулировано предписание об ответственности трех субъектов: организатора массовых беспорядков, исполнителя за оказание вооруженного сопротивления представителю власти и пособника за подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них.

2. В части 1.1 предусмотрена ответственность подстрекателя за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков.

3. Часть 2 содержит норму, предусматривающую ответственность участника (исполнителя) массовых беспорядков.

4. В части 3 указана ответственность подстрекателя за призывы к массовым беспорядкам, участию в них и применению насилия над гражданами.

5. В части 4 установлена ответственность лица за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков и участия в них, в том числе приобретение знаний, умений и навыков обращения с оружием, иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

С позиций законодательной текстологии требуется устранение ряда погрешностей, имеющих место в статье 212 УК РФ:

— во-первых, поскольку действия организатора, исполнителя и пособника имеют

различную общественную опасность, недопустимо предусматривать их ответственность в одном и том же составе (ч. 1 ст. 212 УК РФ);

— во-вторых, для приведения в соответствие предписаний и санкций за совершение действий участником (исполнителем) массовых беспорядков, указанных в частях 1 и 2, необходимо включить в часть 2 статьи 212 УК РФ квалифицированный состав под литерой «а» *оказание вооруженного сопротивления представителю власти;*

в-третьих, предписания, содержащиеся в разных частях статьи 212 УК РФ, предусматривают ответственность подстрекателя за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков (ч. 1¹) и за призывы к массовым беспорядкам, участию в них и применению насилия над гражданами (ч. 3). В целях экономии законодательного текста и создания качественного уголовно-правового предписания следует объединить две части в одну, в которой будет аккумулирована ответственность подстрекателя за все совершенные им действия.

Недостатки законодательного текста также имеются в части 1 статьи 279 УК РФ: в диспозицию статьи включены два вида редуцированных посягательств — организация вооруженного мятежа и активное участие в вооруженном мятеже. Под организацией вооруженного мятежа понимается вербовка лиц для участия в мятеже, снабжение оружием и другими опасными предметами и средствами, планирование, руководство мятежом и т. д. Участие в мятеже означает *попытку использования* (курсив наш. — **А. С.**) или применения оружия, иных опасных средств и совершение насильственных действий для достижения целей мятежа [8, с. 1242]. Объединение двух видов редуцированных преступлений в одном составе не соответствует положениям Общей части УК РФ о признании приготовления и покушения (в данном случае в виде окончанных посягательств) нетождественными деликтами. Для устранения законодательно-текстологического недостатка необходимо ввести две части: в первой сформулировать ответственность за организацию мятежа, во второй части — за участие в мятеже.

Выводными положениями являются следующие тезисы, аргументированные в представленной статье:

1. С позиций законодательной текстологии в УК РФ имеются редуцированные преступления, то есть структурно неполные, укороченные составы деяний, которые законодатель считает

оконченными преступлениями в силу их достаточно высокой общественной опасности.

2. Редуцированные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом объекты, имеют повышенную общественную опасность и, соответственно, признаются преступлениями, поскольку нуждаются в уголовно-правовой реакции государства путем репрессивного воздействия на лиц, приступивших к реализации преступного умысла.

3. Текстоцентрический подход к уголовно-правовым предписаниям позволил выявить недостатки техники конструирования диспозиции статей, в целях устранения которых требуется изменить конструкцию основного состава разбоя и переформулировать квалифицированные составы разбойного нападения для приведения их в соответствие с редуцированной конструкцией основного состава (ст. 162 УК РФ); не допускать объединение в одной и той же части статьи окончанного и редуцированного составов (ст. 171² УК РФ и др.); дифференцировать законодательные предписания об ответственности разных по степени опасности действий соучастников, а также не допускать формулирование новелл об ответственности одного и того же соучастника в разных частях статьи (ст. 212 УК РФ).

Список источников

1. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 569 с.
2. Советское уголовное право. Общая часть / Б. В. Здравомыслов, М. А. Гельфер, П. И. Гришаев. Москва: Юридическая литература, 1982. 440 с.
3. Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть: курс лекций. Москва: Изд-во «Ось-89», 2000. 256 с.
4. Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2002. 320 с.
5. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. Москва: Проспект, 2016. 304 с.
6. Давыдова М. Л. Юридическая техника. Общая часть: учебник. Москва: Проспект, 2018. 232 с.
7. Ситникова А. И. Законодательная текстология: уголовно-правовой аспект. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. 372 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации (комментарий с путеводителем по судебной практике) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2021. 1536 с.
9. Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 272 с.
10. Баранов В. М. Примечания в российском уголовном праве: природа, виды, проблемы реали-

зации // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 338–402.

References

1. Russian criminal law. General part / ed. by V. S. Komissarov. St. Petersburg: Peter Publ., 2005. 569 p. (In Russ.)

2. Soviet criminal law. General part / B. V. Zdravomyslov, M. A. Gelfer, P. I. Grishaev. Moscow: Legal lit. Publ., 1982. 440 p. (In Russ.)

3. Nazarenko G. V. Russian criminal law. General part: course of lectures. Moscow: Publ. "Os-89", 2000. 256 p. (In Russ.)

4. Ivanov V. D. Criminal law. A common part. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)

5. Sitnikova A. I. Criminal law textual criticism: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 304 p. (In Russ.)

6. Davydova M. L. Legal technology. General part: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 232 p. (In Russ.)

7. Sitnikova A. I. Legislative textual criticism: criminal law aspect. Saarbrücken: LAP LAMBERT Publ., 2012. 372 p. (In Russ.)

8. Criminal Code of the Russian Federation (commentary with a guide to judicial practice) / ed. by A. I. Chuchayev. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 1536 p. (In Russ.)

9. Panko K. K. Methodology and theory of legislative technology of criminal law in Russia. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2004. 272 p. (In Russ.)

10. Baranov V. M. Notes in Russian criminal law: nature, types, problems of implementation. Problems of legal technology: collection. articles / ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 338–402. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Ситникова — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

A. I. Sitnikov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.